Г.99 б/54
ОЧК

ОЧК
4ū
ф41.

Н. Асеев. Поэмы
Смелый — 75-76
ОР

VI 799/54

Асѣевъ Н., Бурлюки-Д. и Н., Большаковъ К., Вермель С., Беленсон А. Каменскій Вас., Лентуловъ Ар. Маяковскій Вл. Пастернакъ Б. Рославецъ Н. Хлѣбниковъ В. и другіе....

Весенне-нонпрагентство Муз

Весна 1915 г.

Редакт. Бурлюк Вермель

Москва

Ар. Л.

Н06
Г99/54
12.V.916.
Ч.

ВЕСЕННЕЕ КОНТРАГЕНТСТВО МУЗЪ.

СБОРНИКЪ

подъ редакціей **Д. Бурлюкъ** и **С. Вермель.**

СТИХИ: **Н. Асѣевъ. А. Беленсонъ. К. Большаковъ. Д. Бурлюкъ. Н. Бурлюкъ. Д. Варавввинъ. С. Вермель. В. Каменскій. В. Каневъ. В. Маяковскій. Б. Пастернакъ.**

ПРОЗА: **Н. Бурлюкъ. Д. Бурлюкъ.**

ПЬЕСА: **В. Хлѣбниковъ.**

МУЗЫКА: **Н. Рославецъ.**

РИСУНКИ: **В. Бурлюкъ. Д. Бурлюкъ, А. Лентуловъ.**

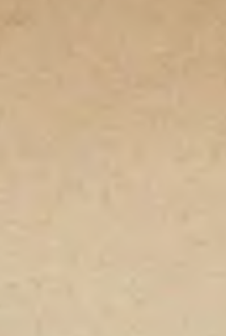
ЦВѢТНАЯ РЕПРОДУКЦІЯ: **А. Лентуловъ.**

Весна 1915 г.
Москва.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ _____ г.

БИБЛИОТЕКА Г. И. Н.
№ 27086
26-XI 1930 г.

VV



УМЕРЪ

Александръ Скрябинъ.

ВАСИЛІЙ КАМЕНСКІЙ.

СТИХИ.

Солнцелей с аэроплана.

1. Полёт.

Бирюзовами
зовами
Взлетая
и тая
В долины лучистыя
Покоя земли
Раскрыляются крылья
Быстрины взметая
Стаи цвѣтистыя
Птиц—короли.
Воздухом
духом
Душа извѣтрилась
И как-то не хочется
Знать о земном
Крыльями воля
Людей окрылилась
Дни океанятся
Звѣздным звеном.
Калькутта—Бомбей
Петроград и Венеція
Крыловые пути
Небовых голубей
Вѣна—Париж
Андижан и Турецiя
Перекинулись стами-устами
Из крыльев мостами
Стаи цвѣтистыя
Птиц— короли.
Бирюзовами
зовами

Взлетая
и тая
В долины лучистыя
Покоя земли.

2. Полёт.

Сквозь сосностроЙ
С горы вольный
Развѣтрись
И разнеси
Утровую вѣнчаль
Яростным лепетом
Радостным трепетом
Раскачай-раскачай
Небовую молчаль.
Эль-лё-лё
Эль-лё-лё.
В горных селеніях
В звонких велѣніях
Я—один на пути.
С неба лѣстницы
Вѣстницы
Дѣвушки-пѣсницы.
Розово-розово.
Райскія птицы
Долинно
Глубинно
Из струй колесницы.
Виноградъ. Апельсины. Яблоки. Ананасссс...

3. Полёт.

Солнцецвѣтеніем
Яснятся пѣсницы
Гдѣ то на окнах
Волокнах-ясных
К звѣздам фіолятся
Алыя лѣстницы
Гдѣ то в разливных
Качелях-веснах
Лунномерцаніем
Волнятся волны
Поляна любви на устах
Гдѣ то плёско плескаются
Лунныя челны
В прибрежных кустах
И я—высоко.
Раскатился как мячик
И от счастья не знаю
Куда пѣснебойца везут
Гдѣ то маячит
Алмазный маячик
И свѣтляки по небу ползут.
Я люблю безшабашиться
В пѣснескитаніях
Утрокрылятся
Пѣсни-нечайки
Встрѣчают и провожают
Жизнь мою.
За пароходом сном тают
Утрами-маями
Стаями чайки.
Им—послѣдним друзьям
Я кричу и пою:
Гдѣ то пути неразстальные
У не здѣсь берегов

Гдѣ то шолковошум облаков
И вѣтры хрустальные
Встрѣчайте
Вѣнчайте.

4. Полёт.

Лети цвѣтинностью лучистой
Измаянь майный воль небес
Цвѣти растинностью пречистой
Развейся крылью в лѣс
—ау—
Оа-оа—
ой-э—ой-э—
В свирѣль напѣвность
Пастуха
Дѣвичье сердце
Для стиха
—ау—
Оа-оа—
Птичья ревность
Над поляной
В травѣ колѣнки голыя
Зовут зарю
—ау—
Люблю её-её дарю себѣ
Грустинность
Шѣспеньянство
дай—на
Цинь-ци-вій—цинь-ци-вій
Тюрть-юц—чмррр
—ау—
Вспоминай
—оай-й—

ВЛАДИМІРЪ МАЯКОВСКІЙ.

3.

1915 г.

Свѣтлой О. В. Р.—эти стихи.

Я и Наполеонъ.

Я живу на Большой Прѣснѣ.
36. 24.
Мѣсто спокойненькое.
Тихонькое.
Ну?
Кажется какое мнѣ дѣло, что гдѣ-то въ бурѣ мірѣ
—Взяли и выдумали войну.

Ночь пришла.
Хорошая.
Вкрадчивая.
И чего это барышни нѣкоторыя
Дрожатъ, пугливо поворачивая
Глаза громадные, какъ прожекторы?...

Уличныя толпы небесной влагѣ
Припали горящими устами,
А городъ, вытрепавъ рученки-флаги,
Молится и молится красными крестами....

..... церковка бульварному изголовью
Припала, набитый слезами куль
А бульварный цвѣтникъ истекаетъ кровью,
Какъ сердце изодранное пальцами пуль....

Тревога жирѣетъ и жирѣетъ...
Жретъ зачерствѣвшій разумъ...
Уже у Ноева оранжерея
Покрылись смертельно блѣднымъ газомъ!...

Скажите Москвѣ: пускай удержится!
Не надо!
Пусть не трясется!
Черезъ секунду, встрѣчу я небъ.....
Возьму и убью солнце.
Видите!
Флаги по небу полощетъ!
Вотъ онъ!
Жиренъ и рыжъ.
Краснымъ копытомъ грохнувъ о площадь,
Въѣзжаетъ по трупамъ крышъ.
«Тебѣ орущему «разрушу, разрушу»!
Вырѣзавшему ночь изъ окровавленныхъ карнизовъ
Я сохранившій безстрашную душу,
—Бросаю вызовъ!»

Идите изъѣденные безсонницей,
Сложите въ костеръ лица
Все равно! Это намъ послѣднее солнце,
Солнце Аустерлица!
Идите сумасшедшіе изъ Россіи, Польши
Сегодня
Я Наполеонъ.
Я полководецъ и больше—
Сравните
Я и онъ.

Онъ разъ чумѣ приблизился трономъ,
Смѣлостью смерть поправъ,
Яжъ каждый день иду къ зачумленнымъ
По тысячамъ русскихъ Яффъ!

Онъ разъ не дрогнувъ, сталъ подъ пули
И славится столѣтій сто,

А я прошелъ въ одномъ лишь іюлѣ
Тысячу Аркольскихъ мостовъ

Мой крикъ въ гранитѣ времени выбитъ,
И будетъ гремѣть и гремитъ,
Оттого что въ сердце выжженномъ, какъ Египетъ,
Есть тысяча тысячъ пирамидъ

За мной же изъѣденные безсонницей!
Выше! Въ костеръ лица!
Здравствуй, мое предсмертное солнце,
Солнце Аустерлица!

Люди!
Будетъ!
На солнце!
Прямо!
Солнце съежится ажъ!
Громче изъ сжатаго горла храма,
Хрипи похоронный маршъ.
Люди,
Когда канонизируете имена
Погибшихъ меня извѣстнѣй
Помните, еще одного убила война,
—Поэта съ Большой Прѣсни!

Москва 1915 г.

Мама и убитый нѣмцами вечеръ.

По чернымъ улицамъ бѣлыя матери
Судорожно простерлись, какъ по гробу глазетъ!
Вплакались въ орущихъ о побитомъ непріятелѣ:
«Ахъ, закройте, закройте глаза газетъ!».
Письмо.
«Мама, громче!
Дымъ, дымъ, дымъ еще!
Что вы мямлите, мама, мнѣ?
Видите, весь воздухъ вымощенъ
Громыхающимъ подъ ядрами камнемъ!
Ма-а-а-ма!
Сейчасъ притащили израненный вечеръ.
Крѣпился долго, кургузый, шаршавый,
И, вдругъ надломивши тучныя плечи,
Расплакался, бѣдный, на шеѣ Варшавы.
Звѣзды въ платочкахъ изъ синяго ситца
Визжали: «убитъ дорогой, дорогой мой!»
И глазъ новолунія страшно косится,
Какъ мертвый кулакъ съ зажатой обоймой.
Сбѣжались смотрѣть литовскія села,
Какъ поцѣлуемъ въ обрубокъ вкована,
Слезя золотые глаза костеловъ,
Пальцы улицъ ломала Ковна.
А вечеръ кричитъ, безногій, безрукій:
«Неправда, я еще могу-съ—
Хе!—
Выбрыцавъ шпоры въ горящей мазуркѣ,
Выкрутить русый усъ!»
Звонокъ.
Что вы, мама?
Бѣлая, бѣлая, какъ на гробѣ глазетъ.
«Оставьте о немъ, это объ убитомъ телеграмма.
Ахъ, закройте, закройте глаза газетъ!»

Октябрь 1915 г.

„Война объявлена!“

«Вечернюю! Вечернюю! Вечернюю!
Италія, Германія, Австрія!»
И на площадь, мрачно очерченную чернью,
Багровой крови пролилась струя!

Морду въ кровь разбила кофейня,
Звѣрьимъ крикомъ багрима...
Отравимъ кровью игры Рейна!
Громами ядеръ на мраморъ Рима!

Съ неба, изодраннаго о штыковъ жала,
Слезы звѣздъ просѣивались, какъ мука въ ситѣ,
И подошвами сжатая жалость визжала:
«Ахъ, пустите, пустите, пустите!»

Бронзовые генералы на граненомъ цоколѣ
Молили: «Раскуйте, и мы поѣдемъ...»
Прощающейся конницы поцѣлуи цокали
И пѣхотѣ хотѣлось къ убійцѣ—побѣдѣ.

Громоздящемуся городу уродился во снѣ
Хохочущій голосъ пушечнаго баса,
А съ запада падаетъ красный снѣгъ
Сочными клочьями человѣчьяго мяса.

Вздувается у площади за ротой рота,
У злящейся на лбу вздуваются вены...
«Постойте, шашки о шелкъ кокотокъ
Вытремъ, вытремъ въ бульварахъ Вѣны!»

Газетчики надрывались: «Купите Вечернюю!..
Италія, Германія, Австрія!»
А изъ ночи, черно очерченной чернью,
Багровой крови лилась и лилась струя.

20-го іюля 1915 г.

Рисунокъ **Д. Бурлюка.**

НИКОЛАЙ БУРЛЮКЪ.

НОЧНАЯ ПІЯВКА.
ПАНСІОНЪ УРОДОВЪ.

РАЗСКАЗЫ.
СТИХИ.

Ночная піявка.

Осенній, сырой вечеръ разлагающій одежду. Темные своды рощи и тлѣющіе листья. Неба нѣтъ и вмѣсто него скользкій черный коленкоръ. Влажныя босыя ноги липнутъ къ податливой землѣ. Паръ и тепловатый туманъ прилипли къ очамъ и только видны подъ стопами глазницы усопшихъ листьевъ. Приклеиваются къ съежившимся подошвамъ узкіе листья ивы и распухшіе—осины.

Скользитъ случайный и плотно пристаетъ къ рукѣ, медовый и прозрачный, послѣдній листъ. Безсильно ожидаю вѣтра,—не сдуетъ ли его,—но желтый серпъ стягиваетъ кожу какъ колодій и, когда судорожнымъ движеніемъ срываю ее — ночную піявку, — обнаруживается отверстіе; всего въ одинъ дюймъ, но въ него видна пустота целлулоиднаго тѣла.

Прозрачная и дутая кожа рукъ свѣтится голубоватымъ фосфорическимъ сіяніемъ и шуршитъ о безплодныя, наполненныя воздухомъ, бедра — и затѣмъ, затѣмъ я висну на встрѣчной былинкѣ, ближе къ возможному небу, — какъ кобылка, отдавшая всѣ внутренности во власть будущему солнцу.

Пансіонъ уродовъ.

Среди людей и въ вертикальныхъ домахъ задыхаешься. Чувства тускнѣ и ихъ слабый токъ поглощается пескомъ разума, ранѣе чѣмъ онъ прольется наружу.

Все-же,—когда вѣтеръ утопитъ туманы и сырость улицъ сокрыта солнечной поливой, а дворцы на набережной такъ четки въ натянутомъ воздухѣ,—я осязаю глазами угловатыя и жесткія тѣла зданій, узкоглазые и цѣпкіе ивовые кусты на

отмели Петропавловской крѣпости и бѣгающую рябь у Троицкаго моста. Очи открываютъ дорогу.

Если есть досугъ радостно думаешь:—я отдохнулъ и теперь развлекусь. — Только ничего спѣшащаго. Что-нибудь медленное и неувѣренное. Первая мысль:—ласкать осторожно и намѣренно замѣтно. Лиза;— нѣтъ — это слишкомъ быстро. Шура;— она откажется. — Ты меня оскорбляешь своимъ головнымъ чувствомъ. Зина;—можетъ быть она,—нѣтъ, нѣтъ—слишкомъ нравится:—время пройдетъ безъ уловленнаго удовольствія.

По Большому проспекту на солнечной сторонѣ—у Проводника-Гейне ножекъ. Мимолетно. Ничего постояннаго. Улыбка угломъ рта и снова песокъ разума и начитанная кожа лица.

Я все-же пришелъ къ Каменноостровскому. Часы какъ птица на вѣткѣ и Божья Матерь на слабомъ стеклѣ домашней церкви.

Противный шофферъ у задыхающагося автомобиля.

Англійскій магазинъ обуви. Здѣсь я говорилъ по телефону. Вниманіе и деликатность.—Чудесный народъ уважаютъ чужую личность. Свобода. Равноправіе. Англичане. Элегантность. Спортъ. Англійскіе парки. Генсборо. М-lle Сиддонсъ.—Она, конечно она. Упорная бровь и сухія настойчивыя руки. Складка страданія на лбу.—Умное тѣло. Боже!—Я объ этомъ только и тоскую.—Только встрѣтить ее.—«Она пойметъ мое сознательное тѣло». — Вмѣстѣ до послѣдняго часа. Долгія черты. Ужимка страданія бровей замедлитъ поцѣлуй—задержать, отмѣтить каждое движеніе и найти его неподвижное выраженіе.

Эйлерсъ. Цвѣты. Любовь къ цвѣтамъ. Верленъ раковинъ. Коллекція. Пальмы и спокойствіе.—«Пойду въ Ботаническій садъ».

Карповка. Медицинскій институтъ. Заразное отдѣленіе. Тифъ. Холера. Оспа.

Я-же здоровъ и уже на первой аллеѣ иду мимо жестянаго пальца и сторожа въ скворешницѣ. Май. Синіе костюмы

у дамъ. Дѣти и мамки. Руки за спиной и палка. Профессоръ?— «Гистерезисъ» —кончающій электрикъ.

Дорожки на зубахъ и сторожа какъ первыя гусеницы, и мячи съ дѣтьми. Черемуха горьковатымъ запахомъ напоминаетъ о сладости весны и неопытные листья липъ пропускаютъ много лучей солнца. Пихты проткнулись зелеными пучками иглъ и покоробившіеся ставни оранжерей пахнутъ старымъ и разслабленнымъ деревомъ.

Отъ клумбъ, усѣянныхъ, какъ скорлупой, бѣлыми тюльпанами, прохожу къ крутымъ лужамъ. На свѣжезеленыхъ скамейкахъ дремлютъ квартирныя хозяйки и млѣетъ экзаменаціонный студентъ.

Наконецъ и я сѣлъ у неподвижной воды, рядомъ съ игорнымъ холмомъ. Дѣти скатываются подъ откосъ и скрипитъ, какъ вѣтровая рея, сѣверный акцентъ курносыхъ боннъ.

Совсѣмъ я разнѣжился, но тщетно взглядываюсь вдаль аллеи, съ корзинками для сора,—только дѣти и неровныя тѣни. Кто же гуляетъ въ три часа?

По дорожкамъ жидкія тѣни учатся быть темнѣе и потихонько грѣетъ цвѣточное солнце, и лишь тамъ, за пальцами, ползетъ кучка бѣлыхъ пелеринъ и черныхъ шляпъ.

Я хочу жениться. Уже два или три года, встрѣчая дѣвушекъ и дамъ, думаю, кто-же изъ нихъ будетъ настолько мужественна, чтобы полюбить меня и настолько женственна чтобы понять меня. Я не люблю, когда носятъ корсетъ, я не люблю шляпъ съ узкими и круглыми тульями.

По дорожкѣ подходятъ гуськомъ, переваливаясь, пансіонерки. Дама въ паутинѣ дортуаровъ углами желѣзныхъ очковъ обвилась вокругъ нихъ. Какъ прошлогодній листъ ночное лицо ея проходитъ мимо и садится на самсоновскій пень, надъ самымъ глазовъ прудика.— «Побѣгайте дѣти». и Крестовскаго прозѣтриваетъ подъ бѣлопестрымъ солнцемъ.

Дѣти разныхъ возрастовъ, но старыя дѣти хихикаютъ и не дѣтскимъ безуміемъ веселятся; болѣе молодые просто катаются по землѣ, постукивая горбами.— «Половите другъ-друга» —прошуршала 148 Крестовскаго желтая бумаги руки.

Дѣти бѣгаютъ и лишь одна, въ стальномъ корсетѣ подъ самый подбородокъ, съ утиными ножками, раздумываетъ въ сторонѣ. Большіе глаза раскрыли еще не поспѣвшее тѣло и кривой ротъ съ разрѣзанными губами бѣлѣетъ косыми зубами.— «Поиграй и ты. Еля» —молвила надъ двойными очками стекла и воды.— «Таня, я боюсь» —и гербарный вѣтеръ тревожитъ моллюска сухими порывами.— «Сорви цвѣточекъ, Еля» — отрѣзала Дама пня.— «Тетенька, мнѣ стыдно» —и топорщится изъ кирасы груди и желѣзной воронки какъ несвернутый парусъ на дрейфующемъ суднѣ.

Я хочу жениться, но мнѣ очень страшно и очень стыдно.

Жалоба дѣвы.

Сухую кожу грустной дѣвы
Гладитъ вѣтеръ географическихъ пространствъ
На скалахъ столбчатыхъ горы..

Ни солнце на небесномъ зѣвѣ
Ни плотность каменныхъ убранствъ
Ни первоцвѣтія дары

Не веселятъ худого тѣла.

—Зачѣмъ тепла и свѣта больше
Пролито въ русскіе предѣлы,
Когда во Франціи и Польшѣ

И въ зиму кровь поля согрѣла?

Я знаю мертвыми напрасно пугаютъ отворенныхъ
дѣтей
Лишь тѣ, кто забыты и безстрастны
Знаютъ судьбу молодыхъ костей.

Люди ломаютъ поколѣньямъ суставы,
Чтобы извѣдать силу крови,
Но вѣдаютъ ея уставы
Спокойные подъ ровной кровлей.

* * *

И если я въ вѣкахъ бездневныхъ

На мигъ случайно заблужусь,

Мнѣ ель хвоей вѣтвей черевныхъ

Покажетъ щель въ большеглазую Русь.

САМ. ВЕРМЕЛЬ.

СТИХИ.

А. В. посвящаю.

О, сколько цвѣтовъ
Для тебя я сорвалъ-бы,
Лишь только-бъ узналъ,
Что улыбкой принцессы
Ароматъ ихъ украсишь!

И если-бъ не зналъ

Что цвѣтамъ улыбнуться

Не не можешь ты—

О, сколько цвѣтовъ-бы я

Сплелъ въ вѣнокъ—твоей грусти!

Мы долго ждали
И не любили, и не
Глядѣлись въ небо.
Какими лепестками
Закрыться намъ отъ солнца?

Не могу не жить.

Къ рукамъ твоимъ никну. Нѣтъ,

Не больно мнѣ знать,

Что средь красныхъ колецъ — есть

Одно обручившее.

Хочешь, буду зрячъ
Безъ глазъ. Лишь болью одной
Цвѣты отличу,
Что сорваны нѣжащимъ
Другомъ твоимъ, безъ лица.

Въ листья лотоса
Письмо свое вложи. Я
Не найду его,
Но буду знать—оно вѣдь
Тамъ лежитъ, одно, и ждетъ.

Памяти Е. Гуро.

Будь я принцъ ясный
Съ хлыстикомъ—я-бы былъ на
Оленкѣ—ѣхалъ
Съ Весной, и не правилъ-бы...—
Былъ-бы вѣтреный принцъ!

Не зналъ я, что ты
Въ мои влюбишься брови,
И скажешь любя—
Эти брови любила-бъ
Надъ глазами своими.

Какъ больно мнѣ отъ
Жеста гортензіи той,
Что разорвала
Алое тѣло любви
Надъ моимъ сердцемъ смѣясь.

Сердце—театрикъ.

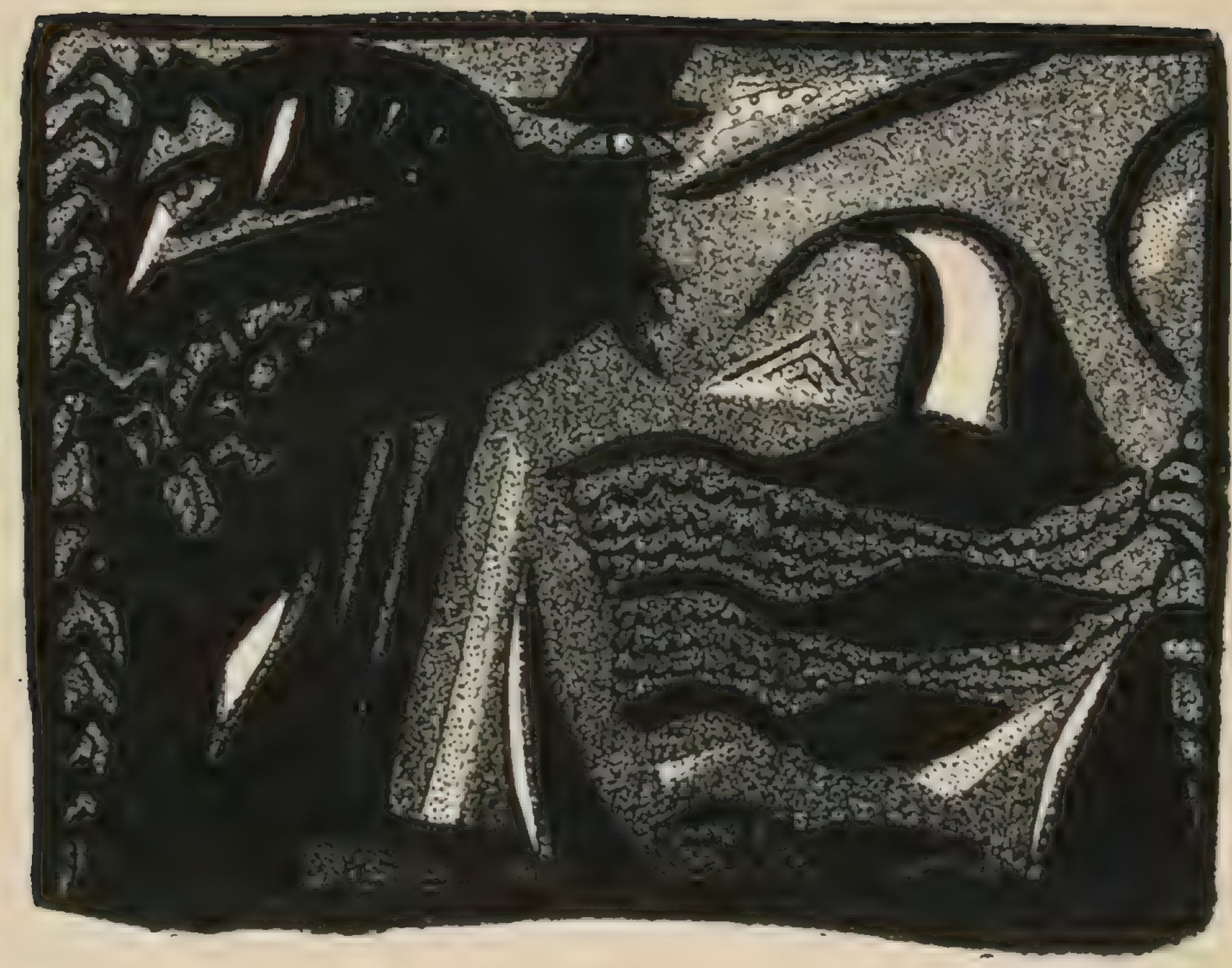
А ты—примадонна. Гримъ

Мой печаленъ. Я

Играю въ любовь. Ахъ, нѣтъ—

Ты не любишь. Я—умеръ...

Мартъ 1915 г.



«ВСАДНИКЪ». Рисунокъ **В. Бурлюка**.

БОРИСЪ ПАСТЕРНАКЪ.

СТИХИ.

Въ посадѣ, куда ни одна нога
не ступала, лишь ворожеи да вьюги
ступала нога, въ бѣсноватой округѣ,
гдѣ и то, какъ убитые, спятъ снѣга.

Постой, въ посадѣ куда ни одна
нога не ступала, лишь ворожеи
да вьюги ступала нога, до окна
дохлеснулся обрывокъ шальной шлеи.

Ни зги не видать, а вѣдь этотъ посадъ
можетъ быть въ городѣ, въ Замоскворѣчьи,
въ замостьи и прочая,—(въ полночь забредшій
гость отъ меня отшатнулся назадъ).

Послушай, въ посадѣ, куда ни одна
нога не ступала, одни душегубы,
твой вѣстникъ—осиновый листъ, онъ безгубый,
безъ голоса, Вьюга, блѣднѣй полотна!

Метался, стучался во всѣ ворота,
кругомъ озирался, смерчомъ съ мостовой,
—Не тотъ это городъ и полночь не та
и ты заблудился, ея вѣстовой!—

Но ты мнѣ шепнулъ, вѣстовой, не спроста,
въ посадѣ, куда ни одинъ двуногій...
Я тоже какой-то... я сбился съ съ дороги
—Не тотъ это городъ и полночь не та!—

Весна, ты сырость рудника въ вискахъ
Мигренью рудъ горшокъ цвѣточный полонъ.
Зачахли льды. Но гіацинтъ запахъ
Той болью рудъ, которою зацвѣлъ онъ.

Сошелся клиномъ свѣтъ. И этотъ клинъ
Обыкновенно рвется изъ подъ реберъ,
Какъ полы листьевъ липъ и пелеринъ
Въ лоскутья рвутся дождевою дробью.

Гдѣ жъ начинаются пустыя небеса,
Когда, куда ни глянь,—безъ передышки
Въ шаги, во взгляды, въ сны и въ голоса
Землѣ врываться, вѣкъ стуча задвижкой!

За нею, на ходу, по вечерамъ
И по ухабамъ ночи волочится
Какъ цѣпь надорванная пополамъ
Заржавленная, древняя столица.

Она гремитъ, какъ только кандалы
Гремѣть умѣютъ шагомъ арестанта,
Она гремитъ, и подъ прикрытьемъ мглы
Уходитъ къ подгороднымъ полустанкамъ.

Я клавшей стаю кормилъ съ руки
Подъ хлопанье крыльевъ, плескъ и клекотъ
Я вытянулъ руки, я всталъ на носки,
Рукавъ завернулся, ночь терлась о локоть

И было темно. И это былъ прудъ
И волны.—И птицъ изъ породы люблювасъ,
Казалось, скорѣй умертвятъ, чѣмъ умрутъ
Крикливые черные крѣпкіе клювы.

И это былъ прудъ. И было темно.
Пылали кубышки съ полуночнымъ дегтемъ.
И было волною обглодано дно
У лодки. И грызлися птицы о локтѣ.

И ночь полоскалась въ гортаняхъ запрудъ
Казалось, покамѣстъ птенецъ не накормленъ
И самки скорѣй умертвятъ, чѣмъ умрутъ
Рулады въ крикливомъ искривленномъ горлѣ.

Ар. Лентуловъ.

Эскизъ декораціи къ трагедіи В. Маяковскаго.

Клиш. и Печ. „Граф. Искусство" Москва, Газетный

ВЕЛЕМИРЪ ХЛѢБНИКОВЪ.

„СНѢЗИНИ“

въ 3-хъ дѣйствахъ

1906 г.

ПЕРВЫЙ ВАРІАНТЪ.

ДѢЙМО ВЪ 3 ДѢЙСТВАХЪ.

(1906 г.)

Снѣзини.

А мы любоча хоронимъ... хоронимъ...
А мы бѣличи—незабудчичи роняемъ... роняемъ...
(*Вѣютъ снѣжинками и кружатся надъ Снѣгичемъ-Маревичемъ*).

Смѣхиня. А мы, твои посестры, тебѣ на помощь... на помощь. Изъ подоловъ нѣзенныхъ смѣхомъ уста засыпемемъ смѣхоемныя.

Нѣмини. А мы тебѣ на помощь... на помощь.,.
Снимемъ съ вольныхъ устъ повязку нѣмовую; нѣмязливую...

Слѣпини. А мы тебѣ глазины снимемъ слѣповыя; слѣпязливую...

Снѣзини. Глянь-ка... глянь-ка: пріотверзъ уста—призасмѣялся—жаруй! пріоткрылъ глаза—прилукавился... Нацѣлился. Ой дѣвоньки, страшно!

(*Съ крикомъ разбѣгаются. За ними смѣясь и со словомъ «люби себя» гоняется и касается до нихъ руками Снѣгичъ—Маревичъ. Пойманныя остаются на мѣстѣ. Смѣхини роняютъ въ дорожку смѣхъ*.
(*Нѣмини надѣваютъ повязки на уста видочей*).
(*Слѣпини слѣпятъ глаза чужимъ, поникая ликомъ*).

Березоміръ. Сколько я видѣлъ игръ... сколько игръ! (*плача*). ахъ, сколько игръ!

Сказчичъ—морочичъ. Натягивая гибучія вѣтви березовыя.

Дрожитъ въ струнахъ
Блесно, черныя руна.
II мучоба

Вникаетъ въ звучобу,
Какъ дѣвушка въ любой...
Я пьянъ собой...

(Береза, подобная бѣлокрылымъ гуслямъ, звукаетъ. Воздушатый пальцами, незримымъ остается звучило. Съ разныхъ концовъ, зыбля жалами и тѣлами приползаютъ слѣпоглазыя, слухатыя и, угрожающе шипя, подымаются по стволу)

Сказчичъ—морочичъ Ай!

(Падаетъ, роняя струны, умерщвленный кольцами слушатаевъ. Змѣи расползаются, свершивъ свое дѣло.)

Молчанійныя сестры. Онъ шелъ развязать поясы съ юныхъ становъ. Плачемъ-те, сестры. Омоемъ лицо и нѣмвянные волосы въ озерѣ отрадинъ.

Плачемъ-те нѣмыя!

Березоміръ. Нѣтъ у гуслей гусляра. Умолкли гусли.

Нѣтъ и слушчихъ змѣевъ
Тише! Тише, люди!

(Пяня-лѣшій. Взлетаетъ на воздухъ и пройдясь колесомъ и прочертивъ рукой полной свѣтлячковъ, знакъ, исчезаетъ).

Березоміръ (*глухо завываетъ*) О старъ я... и я только растеніе; лѣсина... старъ я. И не страшны люди...

(Прдводимыя юношей, вылетаютъ навстрѣчу людямъ слѣпини и нѣмини старательно повязываютъ уста нѣмовыми и слѣповыми повязками. Люди, разговаривая между собой, проходятъ).

Молодой рабочій (*радостно, вдохновенно*) Такъ! и никакихъ, значитъ, лѣшихъ нѣтъ. И все это нужно, чтобы затемнить умъ необразованному человѣку...

(Снѣгичъ-Маревичъ подлетаетъ и бросаетъ въ ротъ снѣгъ. Бросаетъ за воротникъ, гдѣ холодно, бросаетъ въ зубы говорящимъ).

(*Снѣзини прилетаютъ и опрокидываютъ подолы снѣга надъ людьми.*)

2 человѣка (*спокойно*) И вообще ничего нѣтъ... кромѣ орудій производства.

Снѣгичъ-Маревичъ (*бросаетъ въ ротъ снѣгъ*). Однако здѣсь холодно. Идемъ.

Итакъ вообще ничего нѣтъ...

Нѣкій гласъ. Отвергнувшіе отвергнуты (*и Снѣзини и Березоміръ и Снѣгичъ-Маревичъ, всѣ вздрагиваютъ и съ ужасомъ прислушиваются*).

Нѣкій гласъ (*съ глухой настойчивостью*). Отвергнувшіе отвергнуты.

Вѣщежонка. (*Помавая снѣгообразной старой головой*). Это о нихъ объ ушедшихъ... о нихъ... (*склоняется все ниже и ниже къ землѣ головой*).

Березоміръ А.—старъ я (*Снѣгини и любочь съ новой силой отдаются раннимъ русальямъ*) о чужакахъ...

Бѣсъ. Кто холитъ корову? Бѣсъ. Кто отвѣчаетъ за нее? Бѣсъ. А ты что дѣлалъ? Ставилъ сѣти? Ловилъ снѣгирей? Пухляковъ?

Бѣсенокъ. Колоколецъ худо звучалъ, хозяинъ не нашелъ, волкъ поѣлъ...

Бѣсъ. Вотъ тебѣ, голубчикъ... вотъ тебѣ (*наламываетъ березовые прутья*)

Березоміръ. На доброе дѣло и вѣтокъ не жаль.

Бѣсенокъ. Не буду, дѣдушка. Ой больше не буду. Миленькій, дорогой!

Березоміръ. Это не повредитъ... Малецъ, еще.

(*Отдыхая Снѣгини и Снѣгичъ-маховичъ прилегли на стволахъ*).

Липяное бывьмо. Сладка нѣга бѣлыхъ тѣлъ. Милые.

(*Пробѣгаетъ заяцъ и, вставъ на заднія ноги, бьетъ лапами*).

Снѣзини. Слѣпиня повязываетъ глаза и такъ играетъ съ пушенымъ ломкомъ зимы.

(Пробѣгаетъ съ раной въ боку волкъ, брызгая кровью на снѣгъ. Ой).

Всѣ. Волченька, милый волченька, бѣдунѣтъ, горюнъ ты нашъ извѣчный.

Морозный Тятька. Это такъ, Нельзя оставить пути лѣчоба.

(Волкъ садится и жарко облизывается языкомъ).

(Снѣзини прикладываютъ къ ранѣ снѣляжныя ткани).

(Волкъ порскаетъ дальше. Съ дикимъ воемъ проносятся борзыя).

Березоміръ *(больно хлещетъ ихъ вѣтвями).* Вотъ вамъ, голубчики. *(Снѣзини садятся на шеи и ускакиваютъ вдаль. Въ охобнѣ мороза, поскрипывая сосновыми стволами, въ мятеляхъ сорочекъ пляшутъ Снѣжакъ и Снѣгуня-Снѣжамица).*

Снѣжакъ. Рукавицы снѣгобоберныя сладки; Плечики поскрипываютъ.

(Показывается черный съ черной сосулькой въ рукѣ).

Снѣжакъ. За дѣло бѣлые товарищи! *(Разводитъ упругія прутья и тѣ, звонко наслаждаясь, хлещутъ по разгоряченному красному лицу.)*

Древолюдъ. Ха-ха-ха! *(Размахиваетъ отъ радости бѣлыми черными руками и искажаетъ смѣхочевомъ старыя сѣрыя лица.)*

Снѣгунья. А эта хворостиночка тебѣ не нужна? *(Ловко подставляетъ вѣтвь и охотникъ, задыхаясь и дѣлая безумныя глаза, падаетъ съ ружьемъ на снѣгъ. Ружье задѣваетъ, даетъ выстрѣлъ.)*

Липовый парень. Ай больно, больно. *(Дрожитъ, подымая надъ снѣгомъ ружье. Баринъ задыхаясь уходитъ назадъ).*

Древолюдъ. Ха-ха-ха! Кривитъ рожи. Ну и потѣшенъ честной народъ.

Бѣлый мужикъ. Но что это? Пробѣжали морозныя рынды. Стучатъ снѣговицами, сѣкирами, низутъ. Осмостровъ. Бирюкъ провылъ. Вышелъ снѣжный баринъ, летучи—полетучи зимніе бѣлые волосы. Морозенъ охабень морозитъ бороду, чешетъ въ затылкѣ. Бѣлый бояринъ. Честной народъ! Ушла она. Какъ дымъ въ небо, какъ снѣгъ въ весну. Ушла. Истаяла.

Всѣ Кто?

Кто?

Снѣжныя Мамки. Да Снѣзимочка-же Снѣзимочка!

Всѣ. Снѣзимочка... Снѣзимочка... *(понуривъ морозяную голову)*.

Морозный баринъ. Снѣзимочка...

Куда?

Снѣжныя мамки. Да въ городъ-же въ городъ... Въ городъ ушла.

Всѣ *(въ раздумьи)* Въ городъ... городъ.

Березоміръ. Въ городъ... Снѣзимочка... въ городъ *(въ раздумьи глубоко поникаетъ съ глубокимъ вздохомъ)*.

Лѣсная душа. Въ городъ...

Бѣлая Старица. Въ городъ... боръ дымохвоенъ, узкоствольный.

(Губина и губы мыслоноги и вельми широкъ лишай. Полъ покрытъ зыбкимъ толпомѣховымъ мохомъ. Тамъ всю ночь шалятъ развратноухіе шалые зайчишки, тамъ бѣгаютъ воленогія лисы и завалили въ берлоги походно терпѣливые шубые медвѣди).

Снѣгязи. Насъ принесутъ въ незѣ рябичи и тулѣ кунинь. Насъ принесутъ въ ёлкахъ.

Дубичи и елкичи Насъ срубятъ.

Лѣсная душа. Снѣзимочка... Снѣгляночку. Снѣговушка.

Снѣгомужье. Ушла...

Березоміръ. Чудны дѣла Божіи. Рогожало.

Зайчикъ. Я проскакалъ сейчасъ по ея слѣдамъ до балки снѣгоубійцъ, гдѣ къ ея слѣдамъ присоединились большіе мужскіе.

Снѣгунъ. Мужскіе?

Всѣ. Ахъ... Ахъ...

(У Снѣгуна на бѣлыхъ прекрасныхъ глазахъ навертываются большія крупныя слезы).

— Воронъ сниметъ съ моихъ устъ нѣмику. *(Нѣмини поспѣшно снимаютъ въ ворона нѣминную повязку).* Врешь мелкій воришка, вырѣзатель липовыхъ кармановъ, обкрадыватель полушубковъ у всѣхъ липовыхъ парней-

Рында. Къ дѣлу! Заяцъ. Самъ ты врунишка! ишь какой! Ушатый!

— Это не были слѣды. Это были найденные лапти, которыя висѣли на кусту у поляны «Ясные зайцы».

Рында. Къ дѣлу!

Вѣдунъ. Она сняла ихъ.

Снѣгунъ. Бѣдная ты моя дѣвочка! *(льетъ сосульками слезы).*

Снѣжныя Мамки. Вѣкъ ли будемъ мыкать, свое горе? Вѣкъ грущунъ будетъ горевать?

Снѣгунъ *(машетъ рукой. Всѣ удаляются).*

Она же ушла къ хавуну...

вѣдомо...

Снѣжакъ Снѣжачиха. (*плачутъ*). Ушла Снѣгляночка. Нѣтъ Снѣзиночки. (*Влачини ходятъ съ ледочатами и собираютъ ихъ слезы, проливая ихъ затьмъ въ ручьи*).

Окій съ свирѣлью.
Печальный Лѣшій. Нѣга.
Снѣга.
—О-не утѣхъ!
Въ опашнѣ клеста
Въ ряднѣ снѣгиря
Тайна утѣхъ
Лики горятъ
Пьяны уста.
Коль томеги сердцемъ
Ай! вичи пьянъ зимокъ
Когда увидны зимы макъ.

Снѣжакъ. (*утирая слезы*). Вы, пухляки. порхучіе по лозамъ и лѣсамъ, позовите приманите густосвистныхъ снѣгирей, зоветъ ихъ снѣжокъ. (*Пухляки перепорхивая и посвистывая улетаютъ*).

Снѣгири. Мы здѣсь, Снѣгѣй.

Снѣгири Вы попадете въ сѣти, вы сядете въ тѣсныя клѣти. Вы увидите Снѣзимочку, вы раскажите мнѣ.

— Мы знаемъ твою волю, Снѣгѣй.

(*Садятся на вѣтки куста, напоминая чуть красныя зубы на бѣломъ снѣгѣ*).

(*Снѣжакъ и Снѣжачиха плачутъ. Ледени собираютъ слезы*).

Лѣшаченокъ. (*поймавъ уроненную лень свѣтъ поетъ*)

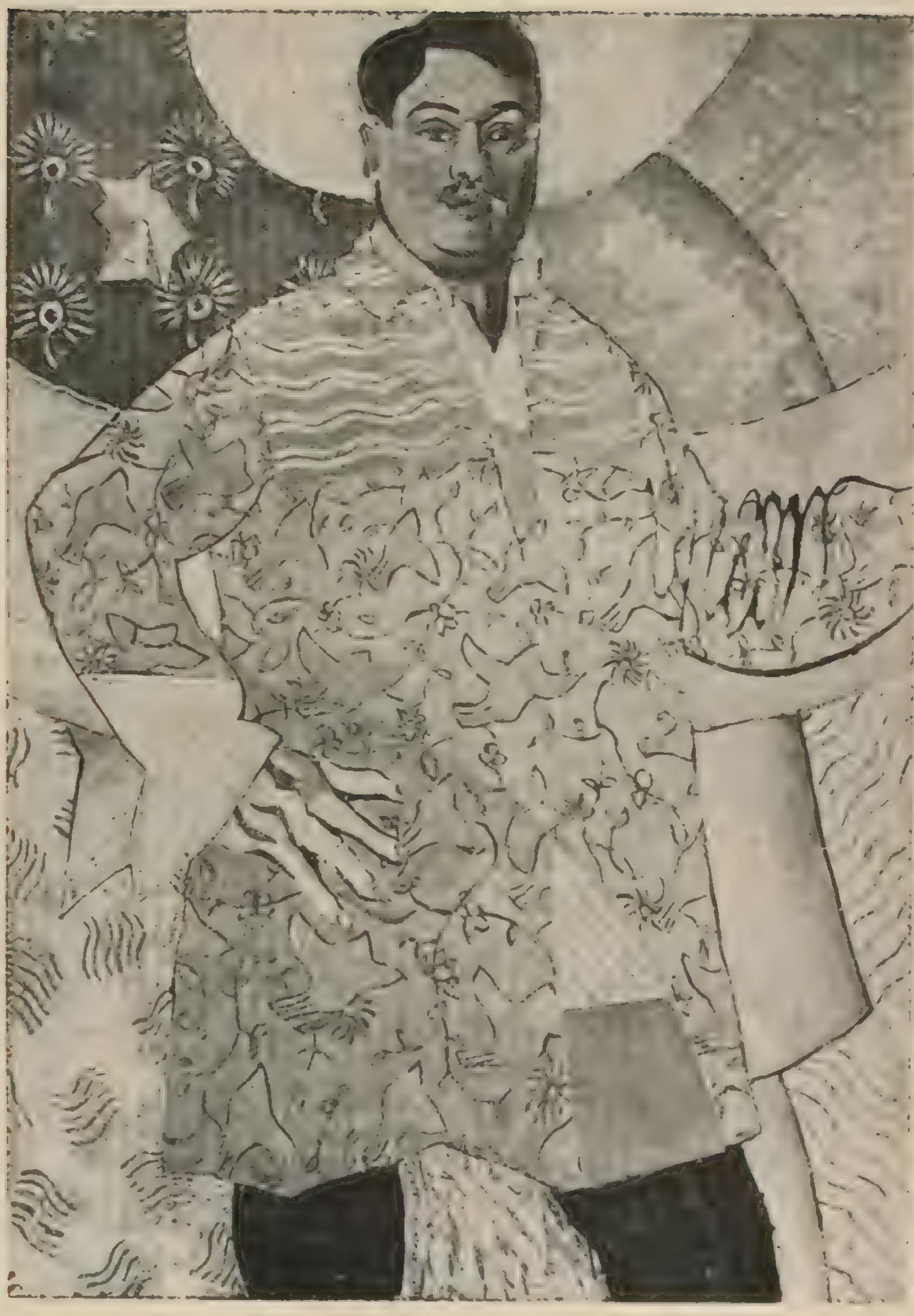
Зареву
Снѣгиря
Нѣтъ

Нѣгиря...
Я зареву!

(*Заливается смѣхомъ и роняя снѣжную дуду, убѣгаетъ*).

Березоміръ (*ловитъ его, сѣчетъ, покряктывая*). А я его прутомъ... прутомъ... по задишкѣ... по задишкѣ...

ЗАНАВѢСЪ.



А. Лентуловъ — Le grand peintre

КОНСТАНТИНЪ БОЛЬШАКОВЪ.

ГОРОДЪ ВЪ ЛѢТѢ.

6 стихотвореній

ДРУЖЕСКИ В. МАЯКОВСКОМУ

память московскаго мая 1914 г.

Городъ въ лѣтѣ.

1. Городу.

Изъ электричества и пыли
Ты ткешь волнисто-млечный путь,
Багровый бѣгъ автомобилей
И лунъ прикованную муть.

Разорванъ взрывами безмолвья,
Грохочущій закованъ въ сталь,
Ты проливаешь въ лѣтнемъ словѣ
Изъ сумерокъ свою печаль.

Израненъ свѣтами въ неволѣ,
Ты, солнца ударяя въ гонгъ,
Скликаешь клумбами магнолій
На незацвѣтшій горизонтъ...

Когда жъ проснутся, и упрямо
Домовъ шагающая тѣнь,
А надъ тобой багетомъ рамы,
Какъ вѣрный стражъ, недвижимъ день,

Сплъ задохнувшихся восторговъ
Зубчато-сгрызшихся колесъ,
Какъ подъ стеклянным тентомъ морга,
Дыханье тяжело пронесъ.

Несовладаньемъ непослушныхъ
Слѣдишь, единый стражъ мечты,
Какъ вытекаютъ равнодушно
Изъ «Институтовъ Красоты»,

И по румянамъ и бѣлиламъ,
Прикрывшимъ дряблости морщинъ,
Вдругъ застучишь упругимъ пыломъ
Распухшихъ сладострастно шинъ.

Когда же въ тѣнь твоихъ бульваровъ
Впустится твой грузный вздохъ
Ты, отвратительный и старый,
Заснешь подъ чуткій стукъ стиховъ.

Намъ, проституткамъ и поэтамъ,
Слагать восторги вялыхъ губъ,
Чтобъ ты одинъ дремалъ разсвѣтомъ.
Въ коронѣ небоскрёбныхъ трубъ,

Чтобъ былъ одинъ и чтобъ хранили
Тревогой дышущую грудь.
Багровый бѣгъ автомобилей
И лунъ прикованная муть.

Май 1914 г.

2. Городъ ночью.

В. О.

Городъ ночью—дѣвушка, гдѣ на бархатное платье
Фонари разсыпали брилліантовое колье,
Истомленная шелками вздоховъ, и на кровать ей
Влѣзали, громоздясь, версты, мили и лье.

А ночная душа изступленно шаталась
И сжимала свѣтовые круги на землѣ,
И мгновеній подъ нѣжными пальцами жалость
Вашихъ ласкъ дрожала на звенящемъ стеклѣ.

Это—всѣ ожиданья томленій на траурѣ перьевъ,
Вамъ кивавшихъ улыбокъ хрустальныя руки,
Это губы убитыхъ въ восторгѣ преддверій,
Это фильмы изъ серій израненной скуки.

Это сонъ въ кружевное преддверье каприза
Вливается рядью мельчайшаго шрифта,
Это Вы ласкали душу Мюра и Мерилиза
Скользящимъ поглаживаньемъ лифта,

И раздавались изступленно серенады,
И въ зрачкахъ этажей удивленнымъ озерамъ проснулись,
Это щелкали счетами рублевые взгляды,
Вырѣзывая инициалы на плечахъ іюля.

3. Ночное.

В. О.

Взоръ, шуршащій неслышно шелкъ,
Вечеръ, согрѣтый дыханіемъ голоса,—
Это кто то голосъ расплелъ и умолкъ,
И весь вечеръ звенитъ въ тонкой сѣти изъ волоса.

Это кто то волосъ, волнъ растрепанныхъ гривъ,
Въ сѣтяхъ запуталъ зданія и улицы,
А на троттуарахъ громоздился людей и шумовъ приливъ
И билъ въ стѣны рева огромной палицей.

А на дѣвичьей постели метнулась испуганно
Звавшая и ждавшая, потому что голосъ скосила ночь,
И одна изъ еще незнанному подругъ она
Звала веселію пытокъ помочь.

Ночь, распустивъ вуали изъ тюля,
Поплыла, волнуя фонарный газъ,

И слѣдили упорные взоры іюля,
Юноши порочныхъ и ясныхъ глазъ.

Волнуясь, изъ вазы возгласовъ вынула
Только трепетъ тревоги, томную тишь,
Молилась, что чаша минула,
Шептала: «желанный, незнанный спишь».

4. Романтическій вечеръ.

Вечеръ былъ ужасно громоздокъ,
Едва помѣщался въ уличномъ ридикюлѣ....
Неслышный рыцарь въ усталый воздухъ,—
Волосъ жужжащихъ—вечерній улей,—
Отсѣчь секунды идетъ панелямъ,
И медлитъ мечъ по циферблату...
Пролетая, авто грозили: «раздѣлимъ, раздѣлимъ...
Закованъ безволіемъ въ латы,
Закрывъ забраломъ чудесной грусти
Лицо, невѣдомый одинъ.
Какъ будто кто то не пропуститъ,
Не скажетъ ласково: «уйди».

5. Вечеръ.

Ю. Эгерту.

Вечеръ въ ладони тебѣ отдаю я, безмолвное сердце.
Шагомъ усталыхъ трамвай на пылающій Западъ
Гибкую шею дуги не возноситъ съ печальнымъ упорствомъ:
Рты дуговыхъ фонарей бѣлоснѣжно оскалили зубы;
Вечеръ, изысканный франтъ, въ не небрежно-помятой панамѣ
Бродитъ лѣниво одинъ по притихшимъ тревожно панелямъ:
Лѣто, какъ тонкій брегетъ, у него тихо тикаетъ въ строгомъ
Карманѣ жилета. Я отдаю тебѣ вечеръ въ ладони,
Безмолвное сердце.

6. Запахъ пространствъ.

Версты ложились, какъ дѣти, въ колыбели зелени
На мягкіе вздохи изумрудныхъ луговъ,
И клочьями дымовъ, какъ пухомъ, устелены
Вскидывались худыя ребра канавъ и мостовъ,

А надъ бѣгомъ безумья безъ слезъ опрокинутъ
Плещущійся гривами облаковъ океанъ,
Гдѣ, сложивъ молитвенныя руки, стынутъ
Въ мукѣ раскрытыя губы пяти очарованныхъ странъ.

По троттуарамъ бульварной зелени въ рупоръ
Сѣдой Колумбъ отплытье проплакалъ,
И любовно въ небѣ стелется крошечный Ньюпоръ,
И звенитъ вѣковой, поросшій ржавчиной якорь.

Вскиньтесь забытыя одичавшимъ голосомъ,
Это ночь украли, это васъ хотятъ обмануть,
Вѣдь велѣлъ же сѣдой Колумбъ веселый сонъ
Вѣтрами безплодій паруса надуть.

Прощайте забытыя острія ученичества!
Обманули, украли, и теперь
Повѣшенный взоръ электричества
Умирающій мечется, какъ плѣнный звѣрь.

НИКОЛАЙ РОСЛАВЕЦЪ.

СОЧИНЕНІЕ ДЛЯ СКРИПКИ И ФОРТЕПІАНО.

Nicolas Roslavetz. — Composition pour Violon et Piano.

Andante sostenuto.

Violon

Piano

sul G

p

sul D

Con moto

pp

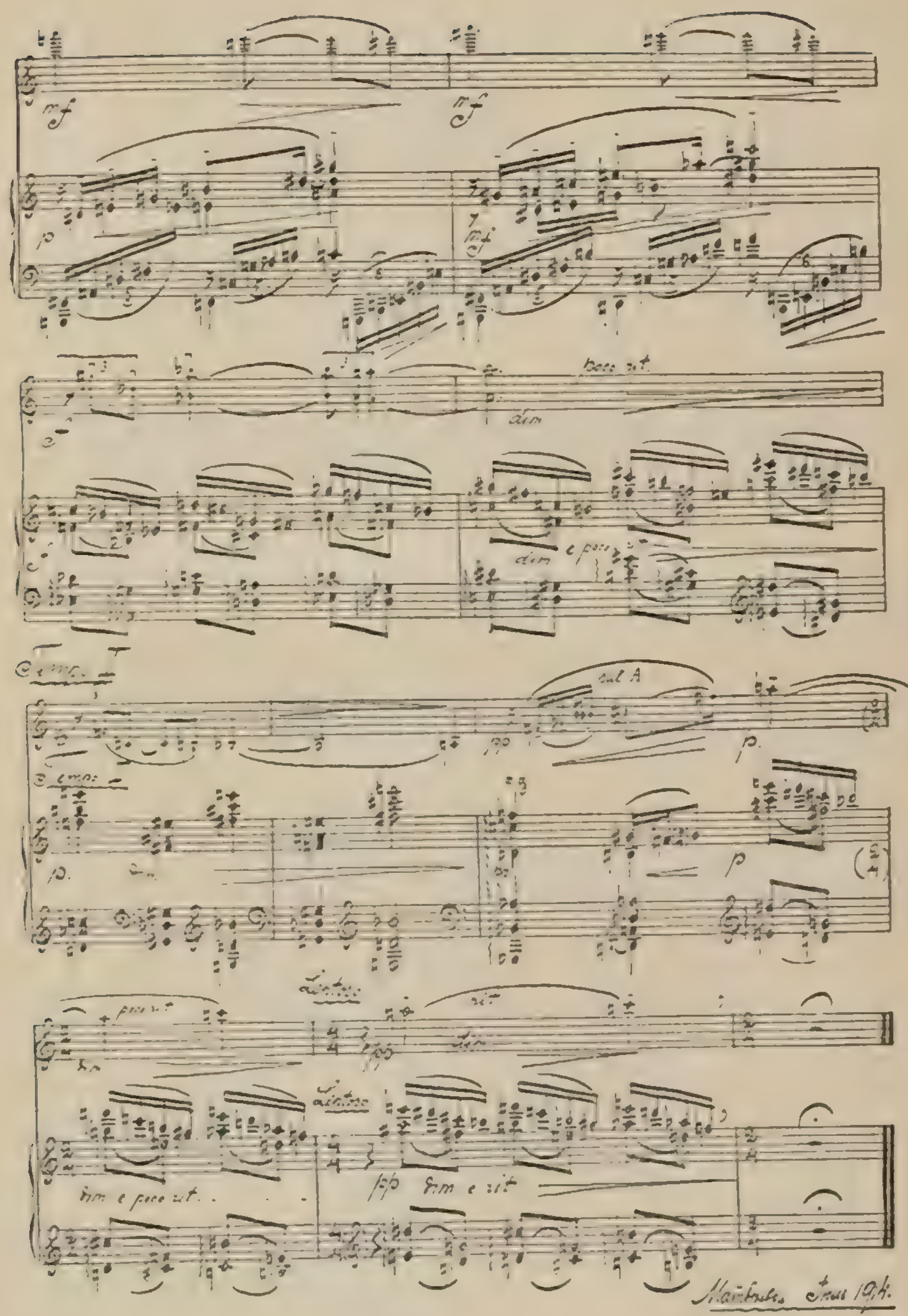
Con moto

pp

poco cresc

p

poco cresc


mf
ff
p
mf
bass ot.
dim
dim e poco
cul A
pp
p
p
p
pp
dim e poco ot.
pp dim e sit

НИКОЛАЙ АСѢЕВЪ.

СТИХИ.

ДМ. ВАРАВВИНЪ.

Сам. Вермель посвящаю.

Ахъ дайте, ахъ дайте-же мѣсяцу
Спустить голубую прядь,
Что-бъ на ней было можно повѣситься
И медленно умирать.

Не правда-ли корректно, это корректно изумительно,
Такъ тихо, не тревожа никого,
Даже кровью не пачкая сѣроватаго кителя
Мостовой?...

Мартъ 1915 г.

Рисунокъ Д. Бурлюка.

АЛЕКСАНДРЪ БЕЛЕНСОНЪ.

СТИХИ.

Цирк ъ.

Лошади выглядятъ бодрыми,
Попоны—цвѣтными кафтанами.
Наѣздница движетъ бедрами
И звуками гортанными.

Стянуты бедра намѣренно,
Далекая линія губъ ала.
Лорнируетъ Мэри мерина
Въ меридіанѣ купола.

В. КАНЕВЪ.

СТИХИ.

*
**

Твои гранитные устои
Не поколеблетъ ходъ временъ.
Гляжу и мыслю: роковое
Есть въ неуклонности колоннъ.

Вѣка надеждъ, исканій страстныхъ
Лежатъ, пронзенные иглой.
А ты раскинутъ безучастный,
Свидѣтель мрачный, но живой.

Не для молитвъ твои придѣлы
И не для святости покой.
Безъ крыльевъ духъ, безъ крови тѣло—
Тебя замыслилъ геній злой.

*
**

Полки выступаютъ, готовые къ бою.
У всѣхъ одинаково-строгія лица.
Я окна и двери печалью закрою
И буду за нихъ, за ушедшихъ, молиться.

ДАВИДЪ БУРЛЮКЪ.

„ЗДРАВСТВУЙТЕ M-LLE ПОЭЗІЯ!“

СТИХИ.

ПРОЗА.

Вновь.

Андрею Акимовичу Шепшурину.

Гдѣ синихъ горъ сомкнулся полукругъ,
Старинныхъ дней Италіи,—далекой
Жестокихъ сѣвера запидевѣвшихъ вьюгъ,
Широкій профиль бросилъ храмъ высоко.

Волчицей Ромулъ вскормленный, что Римъ
Впервые очертилъ (вѣкахъ) могучимъ плугомъ,
И Татіусъ- король Сабинянами чтимъ
Его воздвигли Янусу почтеніи сугубомъ.

И годы свѣтлые, свирѣлью пастуховъ
Звучащіе, несущихъ колосъ, нивахъ,
Прочнѣйшій на дверяхъ его виситъ засовъ—
Хранитель очаговъ счастливыхъ.

Когда же воиновъ на поле бранный кличъ
Зоветъ мечей и копій строемъ,
Войны, войны подъятъ разящій бичъ:
„Мы двери Януса кровавыя откроемъ“!

Январской стужи близится чело.
О Янусъ званный голубыми днями!
Офортные штрихи, о сумрачный Каллò!
Нежданно вставшіе предъ нами....

И эти дни возгромоздился храмъ,
Громахъ батальной колесницы....
Но нынче храмъ сердцахъ (какъ гнѣзда тяжкихъ ранъ)...
Отверзты входа черныя зеницы.....

Зима взрастила хладъ морозный,
Цвѣтокъ глубинъ и тьмы,
Пророкъ дерзающе нервозный
Благоуханной кутерьмы.

Зима роняетъ лепестки
На долы-льды, суровость, лавы
Свѣваютъ стружки верстаки:
Алмазы-платины отравы.

Зима стучитъ своей клюкой,
Она хрипитъ (каркасъ желѣзный)
И голосъ дыбитъ вѣковой
И шлейфъ роняетъ густо-звѣздный.

На стекла легкихъ мотыльковъ
Бросаетъ стаею ночною
И женскій холодитъ альковъ
Своей морозною струною.

На полъ лощеный розы пятъ
презрѣвъ, не ступятъ, осторожность
и бури вьюжныя хранятъ
свиданій прежнихъ невозможность.

Поющая ноздря.

Куетъ кудесный куполъ крики
Вагонъ валящійся ваниль.
Заторопившійся заика
Со сходствомъ схоронилъ.

Ростовъ Донъ. 1914.

Превосходства.

1. Небо чище, небо выше
   Всѣхъ кто здѣсь прилежно дышетъ,
2. А вода всегда свѣтлѣй
   Дѣвьихъ призрачныхъ очей.
3. И нѣжнѣй рѣчной песокъ,
   чѣмъ согрѣтый твой сосокъ.
4. Камень, камень ты умнѣй,
   Всѣхъ задумчивыхъ людей.
5. И безмѣрнѣе машина
   Силѣ хладной исполина.

Утренніе дымы деревень твоихъ,
Утромъ порожденный, мглѣ пропѣтый стихъ.
Голубыя розы просвѣтленныхъ глазъ
И широкій женскій плодоносный тазъ.
А оврагахъ клочья
Безъ надежды снѣга,
Точно многоточья

с и ш.

Воронежъ 1914.

Звуки на а широки и просторны,
Звуки на и высоки и проворны,
Звуки на у, какъ пустая труба,

Звуки на о, какъ округлость горба,
Звуки на е, какъ приплюснутость мель,
Гласныхъ семейство смѣясь просмотрѣлъ.

* * *

Взрасти взрасти свои сады
Весенняя Семирамида.

Дактилоскопія вѣтровъ.

Синій вечеръ соперничалъ оранжевымъ цвѣткомъ лампы. Темнота вила свои шелка.

Онъ—(*обводя лучистыми взорами*) „ночь отпечатлѣвается на морозныхъ стеклахъ рисунками невиданно прекрасными. Формы флоры—зрительныя—брошены на стекла. Ночь подобна садовнику—онъ грезитъ лишь о растительномъ мірѣ. Деревья парка шумящіе своей разновидной листвой; травы луговъ, спутавшія свои волосы переидъ—ахъ все, все выткано нѣжными пальцами вѣтра. Растеніе всегда стоитъ на дорогѣ вѣтра. Растеніе покорно пробивается сквозь воздушную грудь вѣтра. Вездѣ въ растительномъ мірѣ работа тепленькихъ заботливыхъ пальчиковъ. Когда же коченѣютъ ночи морозномъ угарѣ, оранжевому цвѣтку лампы, краснымъ макамъ камина тянутся пальчики вѣтра, окоченѣвшіе бѣдные полночные пальчики вѣтровъ и.... касаются стеколъ оконныхъ рамъ. Мертвая бездыханная на утро таетъ на стеклахъ Душа Вѣтра.

1909—1915 г.
Hilaea
Петроградъ.

Сухопутье.

Н. П. Кульбину.

Темнѣетъ боръ... песокъ зыбучій...
Направо, влѣво-болота;
Притропный свистъ, свинцовость тучи,
Тоска, проклятья пустота.
Далекій стонъ лѣсного храма
Широкій жестъ креста на лобъ:
Картина темная и рама
Досокъ нарѣзанныхъ на гробъ!...

1.

Бредутъ тропой, ползутъ лѣсною
Клюкой рукахъ, огнемъ очахъ
Внимая стаи волчьей вою
И ночи коротая рвахъ

2.

Проскачетъ звякающій конникъ,
Обгонитъ пѣшеходовъ прыть
И женщина на подоконникъ
Иглу уронитъ, броситъ нить...

3.

Иль колымагою влекома
Княгиня смотрится лорнетъ,
Не встрѣтится ль пути знакомый
Услада рощицы корнетъ.

4.

Но устарѣвшій паровозикъ
Но рельсохилые пути
Заботливо бросали оси къ
Просторамъ слабенькій верти.

Ползутъ селенья еле еле,
Полянъ закабаленный край,
Подъемъ и парный храпъ тяжеле
Уютъ—вагончикъ синій рай!...

5.

Теперь же бѣшенымъ моторомъ
Средь рельсъ и сталь и прямизны
Дорожницъ укрощенный норовъ
Столицъ капризные сыны.
    Поляхъ по прежнему все пусто,
    А можетъ больше нищета.
    Но ты взалкавъ, взревешь стоусто,
    Бросая утлыя мѣста.
Деревня мимо, снова мимо,
Экспрессъ одѣтище столицъ
Проноситъ даль неудержимо
Парами сотканныя птицъ.

Казань, 1914.

Поля черны, поля темны
Влеки влеки шипящимъ паромъ.
Прижмись доскамъ гробовымъ нарамъ—
Часы протяжны и грустны.
    Какой угрюмый полустанокъ
    Проклятый островъ средь морей,
    Несчастный каторжникъ приманокъ,
    Бѣгущій зоркости дверей.
Плыветъ коптящій стеаринъ,
Вокругъ *безмѣрная Россія*,
Необозначенный Мессія
Еще не сознанныхъ годинъ.

1912 г.

Маріи Петровнѣ Лентуловой.

Вѣдь только шесть часовъ.
Пустынно, холодно, туманъ.
Едва звонки доносятся изъ мглы
И гулы грубые рабочихъ голосовъ

Еще не смяты складки ночи ранъ,
Улыбки утренни такъ некрасиво злы—
Вѣдь только шесть часовъ.

Вы нѣжная въ постели,
Зажавши ручку бѣленькихъ колѣнъ,
Благоуханный свой лелѣете альковъ
Дѣвичьихъ сновъ лазури райской мели
Снѣговыхъ простыней закрѣпощенный плѣнъ
Вѣдь только шесть часовъ
Неужто Вы!.. и эту пору здѣсь.....?!..
Оснѣжились туманъ
Прозрачные глаза рѣсницъ пушистыхъ лѣсъ,
Несущіе непозабытость сновъ,
Слегка продрогшій и смятенный станъ.
Да!.. Утренній всему виной экспрессъ.

Моторъ на рельсахъ высится громадой.
Хрипъ содрогаетъ членовъ тонкихъ сталь.
А!... это онъ Васъ пробудилъ такъ рано,
Я понялъ все: его свирѣпости вы тѣломъ
хрупкимъ рады,
Онъ увлечетъ *Европу Вѣка* даль
Среди разсвѣтнаго тумана.

Желѣзнодорожный свитокъ.

I.

Вы живете днемъ и ночью
Нѣтъ покоя, нѣтъ покоя.
Вспоминая долю волчью
Мчитесь мимо воя воя.

Ваша жизнь проходитъ бѣгѣ
Мимо дали, люди мимо.
Гдѣ пріюты, гдѣ ночлеги?
Ваша жизнь неутомима,...

Чтя одну суровость стрѣлку,
Поклоняясь станцій чину
Колесѣ играйте бѣлку
Мчите женщинѣ мужчину

II.

Поля, Снѣга, Столбы и Струны
Громадныхъ телеграфныхъ скрипокъ
Ночной омлечены туманъ

Жестокохладный Океанъ
Взметаетъ бѣлые буруны
Извивноугловатъ и липокъ

Взмахнула мѣдь мечемъ три раза
Прищуренныхъ огней сѣдинахъ.
Полземъ впередъ. Змѣя. Оселъ.

Мы животѣ часовъ приказа
На января покойныхъ льдинахъ
Среди россійскихъ скудныхъ селъ.

Отнынѣ я отказываюсь говорить дурно
даже о творчествѣ дураковъ.

Единая эстетическая Россія.

Сезонъ художественной жизни—подъ громъ военной живительной непогоды—ознаменовался небывалыми явленіями.

Мы посѣтили выставки на которыхъ „зубры" мирно висѣли, на радость „крѣпкихъ" художественныхъ критиковъ, — и тутъ же рядомъ раскинулись доски—озонаторы—„натюрморты" и разная другая „безшабашь„—„крикуновъ" и „отвергателей"—тѣхъ, имя кому футуристы—и кто, казалось, не мыслимъ былъ никогда не только смотрѣться, но даже „висѣть" рядомъ—такъ таки вплотную—съ издѣліями, мудро написанными со всѣмъ знаніемъ не только школы—прежнихъ „вѣковъ" (!), но и вкусовъ и аппетитовъ быстро текущей толпы.

Вотъ вамъ указаніе на фактъ. Но не для этого я взобрался на изломанный лафетъ австрійской гаубицы—не для сего звучитъ мой хриплый голосъ.

Слово мое, мало заинтересованное успѣхомъ конечнаго результата, имѣетъ цѣлью показать перемѣну въ настроеніяхъ и мысляхъ отчаянныхъ головъ—футуристовъ, главнымъ образомъ, конечно, моей. Много пройдетъ времени (другое помѣшаетъ), а на нѣкоторыхъ и надежды нѣтъ никакой—онѣ никогда не сообразятъ почему ихъ старыя бутылки приклеенныя къ холсту, озонаторъ прибитый къ доскѣ—зависѣли вдругъ рядомъ съ куинджикокрыжицко-вершино-лукоморьевской мануфактурой.

3 предшествовавшихъ войнѣ послѣднихъ года мы пережили бурную, въ искусствахъ нашихъ, революцію.

Дерзновенные временщики захватывали власть. Толпа бѣжала покинувъ старыхъ, къ подножью новыхъ кумировъ.

Цитадель старыхъ вкусовъ держалась крѣпко въ рукахъ публики и худож. критики—, но, помятуя, что въ осажденныхъ крѣпостяхъ мѣсяцъ идетъ за годъ службы (а въ Севастополѣ—чуть не за пять лѣтъ), мы не сколько не поражаемся: Прошло 3 года... и что же: наша внимательная широкая публика, если не постигла, поняла,—то приняла и кубизмъ и футуризмъ и *Свободу творчества.*

Двери цитадели широко раскрыты.

Теперь бѣсноваться, проповѣдывать, стучать кулакомъ въ лобъ слушателя, значитъ ломиться въ открытый ходъ!

Насъ приняли—насъ соглашаются и согласились слушать—*Настало время творчества*—для этого поколѣнія, кое выступила съ такимъ шумомъ вслѣдъ за символистами и было имъ такъ враждебно и непримиримо.

На дняхъ вышла книжка „Стрѣлецъ"—футуристы торчатъ въ ней какъ тараканы межъ солидно отсырѣвшихъ (климатъ такой) бревенъ символизма.

Подъ мышкой у каждаго символиста зажато по футуристу.

Трогательное единеніе—лишній разъ подкрѣпляющее мою мысль, что въ стаѣ авторовъ всѣхъ искусствъ приняты, *насколько возможно*, любовно, равноправно дикіе новопришельцы.

Такъ какъ это мое выступленіе *не* является выступленіемъ отъ какой либо группы или партіи—а публичное исповѣданіе моихъ *личныхъ* взглядовъ симптоматичныхъ все же, должно быть, для этой эпохи, въ кою мы вступаемъ, и посему,—достойныхъ вниманія; то я обращаюсь и къ публикѣ, (она является глиняннымъ тиглемъ,—гдѣ плавятся смѣси золота-желѣза-мѣди-свинца, и къ предста-

вителямъ искусствъ--и правыхъ и лѣвыхъ и даже искусствъ, коихъ никто, кромѣ авторовъ за искусство не считаетъ.—Обращаюсь и убѣждаю: будьте подобны мнѣ—мнѣ носящему свѣтлую мысль: ,,*всякое искусство*—малѣйшее искусство—одна попытка, даже не достигшая (увы!) цѣли—*добродѣтель*,,!

Достоинъ всяческаго уваженія плюгавый старичокъ, пишущій въ тѣни своего зонта арку большого цирка; по правиламъ лисировокъ,—наряду съ коими Каламъ—дерзкій, всесокрушающій новаторъ.

Достоинъ всяческаго уваженія футуристъ на лугу общественнаго вниманія члено-раздѣльно упивающійся звуками родного языка!

Попытка на искусство—уже добродѣтель.

Не принимая! ,,непротивленіе злу насиліемъ" во имя бунта жизни—роста этическихъ идеаловъ—это прекрасно—и такъ будетъ всегда!! Утверждаю здѣсь,-что принятіе любовное *всего искуства,* включая малѣйшее и ,,то что не искусство"—ничего общаго не имѣетъ съ настроеніемъ ,,переписки съ друзьями"

Послѣ всей неразберихи—*нужной., живительной*—не только тѣхъ годовъ, что прожили, но и этихъ переживаемыхъ,—Россіи, Великой Россіи—кромѣ ,,густо развитой сѣти желѣзныхъ дорогъ"—нужно будетъ, и сейчасъ это началось, достаточное количество Культуры. Въ мірѣ художественной жизни—о коей рѣчь у насъ—это означаетъ—уваженіе къ чужому мнѣнію.

Допущеніе вѣры иной—,,чѣмъ моя"!

Я обращаюсь ко всѣмъ жрецамъ искусства—даже тѣмъ безымяннымъ—чье имя диллетантъ и чей жертвенникъ чадитъ, лишь въ краткіе моменты свободы отъ каторги жизни,—Пусть каждый имѣетъ своего бога!—Пусть свободенъ на свою вѣру!—въ мірѣ творчества это значитъ—,,видитъ міръ по своему"—проводитъ и чтитъ красоту такъ, какъ онъ её понимаетъ!—

Пусть сильный не душитъ сознательно слабыхъ.

Слабые стаей не загрызаютъ сильнаго.

Въ мірѣ эстетическихъ отношеній—*уваженіе къ чужому мнѣнію творчеству единственное, всякаго культурнаго человѣка достойное, поведеніе.* *)

Не усложняя темы, два слова—о творчествѣ.

Неанонимное произведеніе,—пока живъ авторъ,—является частью его высшаго, лучшаго „я".

Критика, коя до сего момента, почему то, полагала роль „заплечныхъ дѣлъ мастера"—своимъ единственнымъ предопредѣленіемъ—мало считалась съ этимъ, набрасываясь съ звѣриной жестокостью, на плоды—„звуковъ сладкихъ и молитвъ" (не иначе какъ).

Не удивительно, что у насъ на „судѣ публики"—именно всегда и звучитъ какъ какое то публичное позированіе у позорнаго столба.

„Судъ современниковъ"— ... сколько мы уже, малыя дѣти, —видѣли его справедливость!—„о мертвыхъ или хорошо или ничего.—Вотъ онъ „судъ исторіи"....!!

Критики не часто стригутъ свои ногти—именно въ забвеніи обычномъ только что сказаннаго.

Будемъ же надѣяться, что отнынѣ это враждебное отношеніе къ „ягодѣ не своего поля"—къ „колодцамъ не своей степени"—уступитъ мѣсто большему добродушію,—опредѣленно устремленному къ вопросамъ теоретическаго изученія и изслѣдованія проблемъ творчества и памятникамъ таковыхъ.

Остается послѣдній пунктъ и самый трудный. Какъ логически вытекающее изъ сказаннаго—„Уваженіе къ чужому мнѣнію"—(культура) это намъ нужно—а въ искусствѣ это значитъ„—уваженіе къ чужому творчеству—хотя бы популярному]—явствуетъ—никто и никогда деспотически не будетъ утверждать, справедливо.— что жизни—въ коей „*всякое*" искусство—уже добродѣтель,

*) „Не дѣлай другому того, чего себѣ не желаешь".

Конечно это—ось человѣческихъ отношеній—и это міръ реальныхъ отношеній.

болѣе нуженъ тотъ—а не другой родъ красоты.

Что жизни нужно смотрѣть правымъ, или (лѣвымъ глазомъ, а не двумя и т. д.

Утверждать такъ,—*забывая*—,что жизни—, а *Россіи* особенно—, *вообще нужно* искусство,—при чемъ *всякое* —на какое только ея сыны способны; И однимъ можно обижать Великую Россію—это *малымъ* количествомъ Искусства.

Было бы количество—а качество (на всѣ вкусы!— я васъ мирю!) найдется.—

И какими милыми въ своемъ страхѣ—являются музейные консерваторы—комиссіи по покупкѣ—произведеній для отечественныхъ галлерей!—

Боясь „запоганить"—свои свѣтлыя, казенныя залы, —они дѣйствуютъ съ такой экономіей, осмотрительностью, выборомъ—забывая, что музей—это есть, ничто иное какъ кладбище, гдѣ полководецъ лежитъ рядомъ съ воиномъ— Великій поэтъ съ сапожникомъ.

Забывая, что музей долженъ быть подобенъ гербарію хорошаго ученаго, гдѣ собраны всѣ образцы флоры— если ученый ставилъ цѣлью дать полное представленіе объ данной мѣстности!

Музейныя комиссіи—поступаютъ проникнутыя духомъ узкаго человѣконенавистничества и черезъ двадцать пять лѣтъ культурный зритель будетъ благодарить ихъ за то, что тамъ такъ неполно, такъ эгоистически *односторонне* представлено творчество родного народа.

Къ нимъ тоже обращается мой голосъ: „малѣйшее искусство—добродѣтель"—уважайте чужое мнѣніе—это признакъ культуры.

О публика! о тигль—изъ огнеупорной глины! Ты тоже можешь быть справедливой болѣе сознательно. Люби искусство! Люби полную свободу—въ искусствѣ. Это начало всего. *Не бойся оригинальнаго*—не бойся даже погони за оригинальностью, какъ ты *не боялась*

до сего времени шаблона и повторенія стараго (здѣсь нѣтъ и тѣни упрека!.

Бойся пустыхъ стѣнъ въ своихъ квартирахъ!

Бойся пустыхъ полокъ въ книжныхъ шкафахъ!

Преклоняйся предъ „именами", но помни, что всѣ они были созданы твоимъ тысяче-голово-сердечнымъ поклоненіемъ и въ твоей власти подымать голову къ небу творчества, гдѣ каждый день занимаетъ свои все новыя свѣтила мощнаго человѣческаго духа.

Рисунокъ Д. Бурлюкъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
В. Каменскій. Стихи	5
В. Маяковскій. Стихи	11
Д. Бурлюкъ. Рисунокъ	19
Н. Бурлюкъ. Разсказы и стихи	21
С. Вермель. Стихи	29
В. Бурлюкъ. Рисунокъ	41
Б. Пастернакъ. Стихи	43
В. Хлѣбниковъ. Пьеса	49
А. Лентуловъ. Рисунокъ	59
К. Большаковъ. Стихи	61
Н. Рославецъ. Соч. для скрипки и фортепьяно	69
Н. Асѣевъ. Стихи	73
Д. Варавввинъ. Стихи	77
Д. Бурлюкъ. Рисунокъ	81
А. Беленсонъ. Стихи	83
В. Каневъ. Стихи	87
Д. Бурлюкъ. Стихи и проза	91
Д. Бурлюкъ. Рисунокъ	107

ОСЕННЕЕ КОНТРАГЕНТСТВО МУЗЪ.

Сборникъ подъ редакціей **Д. Бурлюка и С. Вермель.**

СТИХИ, МУЗЫКА, ПРОЗА, ЖИВОПИСЬ, ТЕАТРЪ.

Выйдетъ въ августѣ 915 года.

изд. «СТУДІИ» **Д. Бурлюка и Сам. Вермель.**

Печатается книга лирики

САМ. ВЕРМЕЛЬ.

ТАНКИ.

Обложка работы, **В. Ульянищева.**

Рисунки и заставки **В. Ульянищева и Д. Бурлюка.**

изд. «СТУДІИ»

Осенью 915 года открывается Студія

ЖИВОПИСИ и ИСКУССТВА ТЕАТРА.

Д. Бурлюкъ и Сам. Вермель.

ЖИВОПИСЬ: реализмъ; кубизмъ; футуризмъ.

композиція; анатомія; перспектива.

натюрмортъ; портретъ; nu. декорація.

ИСКУССТВО ТЕАТРА:

Введеніе въ эстетику, эстетика сцены, практика сценическаго воплощенія, искусство позы, музыка, театральное дѣйство, представленіе слова, искусство грима.

Запись въ Студію откроется 15-го августа 915 года.

Тел. 62-73.

Издательство Перваго Журнала Русскихъ Футуристовъ.

«Первый Журналъ Русскихъ Футуристовъ» №№ I—II. ..... 2 р.

Дохлая луна ..... 1 р.
(распродано).

Дохлая луна второе (изданіе дополнен.).. 1 р. 75 к.

Молоко кобылицъ .... 1 р.

В. Маяковскій: Трагедія «Владиміръ Маяковскій» ..... 1 р.

Б. Лившицъ: Флейта Марсія. I кн. стих. 1 р.

Б. Лившицъ: ВОЛЧЬЕ СОЛНЦЕ. II кн. ст. — 80 к.

В. Хлѣбниковъ: ТВОРЕНІЯ. Томъ I-й ... 1 р.

В. Каменскій «Танго съ коровами» ..... 1 р. 10 к.

Складъ изданія

Москва, Моховая, Карбасниковъ.

Всѣ книги иллюстрированы, репродукціи цвѣтныя, однотонные рисунки, рисунки отъ руки.

Обложка работы **А. Лентулова.**

Изданіе Студіи **Д. Бурлюка и Сам. Вермель,**
Москва. Покровка, М.-Успенскій пер., 1 кв. 20.

ЦѢНА 1 руб.

МОСКВА.
Тип. М. О. АТТАЯ и К°. Маросейка, Косьмодаміанскій пер., д. 5

ОИК-68180